СТАВРОПОЛЬСКАЯ ПРАВДА
г. Ставрополь

Суббота, 22 мая 1982 г.

60

Ставрополье
май 1982
СССР

Представляем еще одного гостя Дней литературы народов СССР на Ставрополье. Московский писатель Юрий Сергеевич Скоп хорошо известен как автор романа «Техника безопасности» и сценария, поставленного по нему режиссером В. Басовым фильма «Факты минувшего дня», который не так давно с успехом прошел и на экранах нашего края. Одну из главных ролей в этом фильме сыграла известная актриса Людмила Чурсина. Переданный для «Ставропольской правды» Ю. С. Скопом очерк интересен тем, что в нем писатель размышляет об актрисе, ее судьбе, ее творчестве.

Юрий СКОП

СТРАННОЕ СЧАСТЬЕ

В издательстве «Советский писатель» в начале 1983 года выйдет книга «Открытки с тропы». Это второе издание. В отличие от первого книга художественно-документальной прозы пополнилась восемью новыми главами. «Странное счастье» еще нигде не публиковалось.

— Люда Чурсина согласилась играть Ксению, — сказал мне однажды по телефону Владимир Павлович Басов, набиравший в ту пору актерскую команду на фильм «Факты минувшего дня».

Почему-то запомнилось отчетливое удовлетворение в густоватом, утреннем голосе режиссера и свое, на всякий случай, нейтральное: «Это хорошо...», которым я хоть как-то, да попытался отреагировать на никак, честно говоря, не удовлетворившую меня новость.

Нет... Чурсина не слагалась в моем представлении с Ксенией. Что-то другое, явно не чурсиновское, чудилось, когда я мысленно оживлял свою героиню, сугубо по-авторски зная, что за ее причудливым, внешне отталкивающим экстравагантностью поведением неслышимо кричит и тоскует неизъяснимое одиночество...

Если бы двери наших восприятий были очищены, прочитал я не помню уж у кого, всякая вещь показалась бы людям такой, какая она есть. И вот сейчас, из сегодня, так сказать, задним числом, ведь от того раннеутреннего телефонного разговора до этой строки — пропасть минувшего, я, пожалуй, и попытаюсь объяснить, что же помешало тогда моему изначальному восприятию ленинградской актрисы, а следовательно, и сложению живого ее образа с мысленно оживляемым образом героини из собственноручно написанного романа «Техника безопасности».

Потребность в этом отнюдь не праздная, стучит из души: она замешана прежде всего на саднящем чувстве вины перед человеком, перед Людмилой Чурсиной. Внутренне не приняв ее тогда, я как бы доверил ей свою героиню, а, значит, прагматически поставил под сомнение сам факт природного дарования актрисы. Иной логики, как мне кажется, тут быть не может: свой вкус мы обычно наделяем правами последней инстанции и крайне редко додумываемся до того, что красота актрисы (актера), мастерство, способность воображать и ум ее (его) без таинственной силы души, другого слова не подбирается, именно и творящей, по-видимому, чудо на сцене или перед кинокамерой, еще далеко-далеко не составляют всего.

Я полагаю, что добросовестный ответ, а я в нем обязан открыться личностной точкой зрения, позволит мне в какой-то мере искупить вину перед Людмилой Чурсиной. Во всяком случае, ей, человеку, должно стать понятным, с какой-такой колокольни судил я, писатель, о правильности выбора режиссера, не будучи еще знакомым с самой артисткой и зная о ней лишь по случайному для себя экрану...

В основе творчества лежит поведение писателя. Он должен соблюдать в поступках величайшую осторожность. Эти слова принадлежат перу Михаила Михайловича Пришвина и запомнились мне навсегда. Я сознательно клоню к тому, чтобы основная пришвинская посылка звучала для всех — в основе творчества лежит поведение человека. Ведь жизнь-то уже сама по себе — творчество. А поведение — образ жизни. Казалось бы, все ровно и гладко: одно вытекает из другого, взаимно достраивая и дополняя друг друга. И — вдруг — в месте сокровенного слияния творчества и поведения человека — образуется непредсказуемое: яростное противоборство между творческой необходимостью и личной человеческой судьбой.

Да, за счет драматических разладов между творчески душевным и личным неустройством души, как правило, возникает на свет та таинственная сила, от которой плачет, страдает, негодует и смеется потом читатель и зритель. А то, что я знал о Людмиле Чурсиной, к тому телефонному разговору с Владимиром Павловичем Басовым, не укладывалось в параметры, могущие мне спокойно доверить ей свою Ксению. Здесь налицо, я так считал тогда, было другое: пресыщенность от внимания, сытое благополучие и продуманное процветание. Газеты, не уставая, наперебой писали о таланте артистки. Звания и премии, президиумы и заграницы, поклонники, наряды и аплодисменты, интервью и популярность, раздаривание автографов и цветы, автомобили, самолеты, целования рук, щек и губ, жизнь напоказ — вот временно устойчивый и, конечно же, банальный фон, на котором перетекала из фильма в фильм, как из рук в руки, упрямая и все более становящаяся статичной красота очередной советской кинозвезды.

Короче говоря, не выражая вслух своего несогласия с режиссером, — в конце-то концов, я просто по-человечески обязан был беречь настроение Басова, — «Факты минувшего дня» и без того, в силу различных и вовсе не зависящих от нас обстоятельств, рождались в не очень спокойной-то атмосфере, — я основательно нервничал и переживал, заранее предчувствуя возможный провал дорогой для меня роли...

А впервые я увидел и познакомился с Ксенией-Чурсиной в самом начале мая на Кольском полуострове, в городе Кировске, где шли натурные съемки.

В тот день снимался, в принципе, несложный эпизод. В центре горняцкого городка, белым днем, неподалеку от памятника Кирову и в нескольких шагах от входа в кинотеатр «Большевик», построенного еще в начале двадцатых годов по прямому указанию Сергея Мироновича, Ксения-Чурсина должна была зашагнуть по глубокому сугробу (его приходилось натаскивать лопатами) за рекламный щит, с которого афишировался козинцевский «Гамлет» и... на плече у случайной прохожей (молоденькой артистки Катюши Васильевой)... расплакаться сперва потихонечку, а после, теряя контроль и самообладание, навзрыд, в голос, по-бабьи, забыв, что она жена директора комбината, и обо всем, обо всем на свете...

Группа суетливо и разноголосо готовила площадку, а мы с Людмилой сидели, коротая время, в пустынном холле кинотеатра на втором этаже.

Должен признаться честно, что Чурсина — в гриме и одежде Ксении (за исключением парика) буквально поразила меня... Я понимаю, что согрешил сейчас штампом, который был бородат, наверное, еще в эпоху древних шумеров, но... что поделаешь, если он, курилка, позволил наиболее оптимально отобразить то, что я, действительно, ощутил с первого взгляда.

Людмила сидела рядом со мной в кресле и молча курила. Я украдкой взглядывал на нее, почему-то волнуясь, и не знал о чем говорить. А хотелось-то сказать, что вот... во мне только что произошла странная перемена и что отныне... какой-то другой Ксении, кроме вот этой, я... однако, не мыслю. Мало того... мне теперь кажется, что именно вот такой я и писал ее в романе... Но я этого не говорил, только слышал в себе желание говорить так, и Чурсина, будто бы задремав, откинулась в кресле.

Серебристая проседь лисьего воротника теплила чуть заметную усталость на лице артистки. Сигарета вертикально дымила, истаивая в ее длинных пальцах. Мне подумалось, что женская красота вроде зеркала. В него и в нее, значит, не войдешь, и если что-то и можешь увидеть в нем и в ней, так это самого себя, со своим умением (от слова — ум) понимать красоту. Вот как понимаешь — так и видишь...

— Вы знаете, в чем разница между мной и вашей Ксенией? — неожиданно спросила меня Людмила, выпрямляясь в кресле.

Я повел головой...

— Ваша Ксения знает, чего хочет и может. Так? Но не знает, как сделать то, чего она хочет и может. Правильно? А я... я даже не знаю, чего я хочу и могу... — она встала—высокая, стройная и строгая. — Так что пойду-ка я сейчас на улицу, где и поплачу по этому поводу... перед кинокамерой. Извините меня.

Я потом долго еще вспоминал, пытаясь расшифровать этот странный обрывок от чего-то гораздо большего и недосказанного Людмилой. Во всяком случае, кокетством или игрой здесь и не пахло. Интонация была беспримесной и тревожно доверительной. Лезть же тогда с расспросами мне не хотелось. Откровение иногда прекрасно и загадочно именно незавершенностью...

Прошлым летом, в июле, в жару, что многодневно и многоградусно маяла столицу даже по ночам, в день закрытия Международного кинофестиваля, — я знал, что Людмила была на нем в качестве члена жюри, — она сама вдруг позвонила мне ранним утром и, поздоровавшись, сказала хрипловатым, уставшим голосом:

— По утрам я под Раневскую работаю. Это от сигарет, кофе, гвалта — черт знает от чего... Здесь же такой языковый коктейль, что мне порой кажется: я не в России. Все почему-то говорят громче, чем это необходимо. Прямо базар какой-то... Но я вас, Юронька, беспокою не поэтому. Приезжайте-ка сегодня, если сможете, вот по такому адресу... запишите... в семь часов. Кажется, удастся возможность посидеть спокойно. Поговорить. Я вас приглашаю...

И в семь часов вечера я, ничего не подозревая, приехал на улицу Костюкова. Было душно невыносимо. Пыльные тополя сорили на горячий асфальт спекшимся листом. Меня встретили добродушнейшие хозяева квартиры, причем встретили будто старого знакомого, с которым можно вести себя без обязательной вежливости, а так, по-свойски, но без излишней растопашечности, чем — с порога — понравились мне. Они радушно представили меня уже собравшимся и провели в большую комнату, где я и увидел празднично накрытый стол.

— ??? — ёкнуло у меня под сердцем, и я растерянно попосмотрел сразу на всех.

— День рождения Люды. Ровно сорок... Юбилей.

Я покраснел. За свою недогадливость, бесподарочность и прихлынувшее чувство благодарности Людмиле за столь неожиданное доверие: на такого рода юбилеи приглашаются только близкие и чем-то дорогие люди...

Опущу массу подробностей того вечера, а сакцентирую вот на чем — виновница торжества появилась за столом с небольшим, в кавычках, опозданием — в половине двенадцатого ночи. Только к этому времени завершилось финальное заседание жюри, на котором и определились победители фестиваля. А до половины двенадцатого гости и друзья Люды говорили и говорили о ней, и больше всего почему-то мне запомнился, тормоша воображение, один факт из ее биографии...

...пятьсот километров пешком, под бомбежками, пронесла Людина мама ее в себе до какой-то деревушки в срединной России и через месяц после начала войны — родила и — сохранила...

Прошло еще полгода.

Картина «Факты минувшего дня» демонстрировалась по стране. Появились первые рецензии, и в них — непременные строки, в которых поругивалась не Чурсина, а моя Ксения...

Критика однообразно и единогласно не хотела принимать сам факт существования ее, словно не было в стране огромнейшего количества женщин, что волею обстоятельств, служебного положения мужей, наконец, собственного безволия и сытого конформизма обрекали себя на мучительную нереализованность.

Людмила сыграла Ксению точно. Она будто озябла от этой роли, и Ксения ее вышла именно промерзшей, внутренне съежившейся от пробравшегося в душу озноба.

Но встретиться и поговорить с Людмилой нам не удавалось. Беличье колесо ее профессии крутило актрису непрерывно: гастроли, концерты, выступления, съемки...

И однажды, уже в конце января, я рассердился. Я аккуратно сказал Людмиле по телефону, что больше, наверное, напрашиваться на разговор не буду. Во-первых, мне это уже неудобно, а во-вторых, Люда, я же не знаю... Может быть, тебе этого, действительно, не хочется, а сказать мне об этом ты не можешь...

Если по правде, то тут я «стрелял» разрывной пулей. Давил, так сказать, на живое, зная об исключительной обязательности и порядочности Людмилы.

На другой день она сообщила мне, что освободилась от спектакля четвертого февраля, так что вторая половина этого дня у нее будет свободной.

— А первая?

— А первую я буду озвучивать на Ленфильме Элизабет Тейлор в «Треснутом зеркале» по Агате Кристи. Приезжайте, Юронька, я встречу вас и все такое...

Людмила приехала на вокзал вместе с Володей, мужем, приятным, подтянутым молодым человеком, и пока мы вместе оформляли мне номер в отеле, я узнал, что он, старший научный сотрудник Центрального научно-исследовательского института Морского флота, завтра уходит на «Новогрудске» в море, вероятно, к австралийским берегам, примерно на четыре-пять месяцев, проверять и изучать в работе системы и средства автоматизации судовых энергетических установок.

— Можешь не хвастаться... Я послезавтра уезжаю на гастроли в Томск.., — с усмешкой закончила Людмила.

Потом я остался один в номере, по оконной стене которого сочилась вода и в подставленное ведро тупо шлепались крупные капли. Получалось, будто кто-то стучит одним пальцем, подолгу не находя нужные буквы, на машинке.

Я читал газеты, а сам думал о предстоящем разговоре с Людмилой и к пяти часам знал, что все будет зависеть от того, захочет ли она объяснить мне, что же заставило ее в Кировске, в холле кинотеатра «Большевик», так безжалостно говорить о себе...

Мы просидели на чистенькой, с любовью возделанной кухне Людмилы до половины двенадцати ночи. Изредка к нам заходил Володя, наливал себе чай и уходил работать в другую комнату. Звонил телефон... Люда в этот вечер заполняла анкеты делегата XVII съезда профсоюзов, и так уж получалось, что она одновременно давала два интервью: вэцэспэсовским работникам Ленинграда и мне.

Двадцать минут двенадцатого Володя пошел заводить машину, чтобы отвезти меня на Московский вокзал.

Ночью, на второй полке, в купе, под шорохи и скрипы поездного хода, я на свежую память прокрутил в себе все, что услышал от Людмилы, и понял, что мне, пожалуй, еще не доводилось в мире актеров и писателей слышать такого...

— Я суечусь, как все. Некогда остановиться, пополнить душу. Я только сейчас начинаю по-настоящему осознавать, что не рождена для этой профессии. От этого у меня отчетливое ощущение, что будто бы я сижу сразу на двух стульях. Я много трачу себя не на то... Скажу честно, что первое свое десятилетие в искусстве я прожила бессознательно. Начало далось мне ужасно легко. Стыдно сказать, как просто. А какая моя заслуга, что судьба наделила меня внешностью? Да— звания. Да — премии. А что я сделала за последние семь вот этих минувших лет? Да ничего, пожалуй... Может быть, разве вот эта работа в Риге, в фильме «Помнить и забыть»? Хотя, кто его знает... Вы не представляете, сколько скопилось вот тут, — Людмила показала на сердце, — всяческой вины... Я ведь с самого начала пути не перестаю чувствовать, что рано или поздно мне надо будет платить за легкость удач. Тут я, если хотите, преклоняюсь перед Алисой Фрейндлих. Я считаю ее мадонной. Она — идеал — в своем трудном росте. И сколько же недоделанного, незавершенного. Я так и не собралась приготовить себя к записи на пластинку стихов Анны Ахматовой. А так хотела эта сделать... Не нашлось двух свободных месяцев. Алла Демидова взяла и нашла их. А работа с Розой Абрамовной Сиротой над Настасьей Филипповной по Достоевскому?.. Я до сих пор не выучила семьдесят три страницы текста. Кое-как одолела только сорок... Настасья Филипповна мучает меня, раздражает, злит. Чтобы понять ее, надо много, очень много читать. Иначе не постичь истинных границ зла земного. Господи!.. Я не знаю, как мы довели моноспектакль «Супруги Карениныи»... Что-то происходит в душе. Или с душой... Но я ведь не жалуюсь сейчас. Нет... Я вообще не привыкла обременять собой других. Это на меня почему-то столько желающих вешаться, как на плетень. Недавно мне пришлось полежать в больнице. Сколько же там женщин изливалось мне, сколько же я посетила там шалашиков отчаяния... Наверное, это потому, что меня все считают очень счастливой, да? Что-то давненько не посещали меня минуты творческих озарений, после которых удобно и действительно счастливо существовать. А ведь я их помню, когда была Анфисой, Виринеей, Марфой, Лизой... Вы знаете, когда мне бывает воистину хорошо? Только не смейтесь... Когда я, бывает, приду домой, вычищу все до блеска, вылижу все до пылинки, выстираю все-все-все! — сама намоюсь до одури, потом мазну себя мазость духами и лягу — одна — в тишине — в чистоте — в абсолютном бессилии и — усну под восьмую сонату Моцарта... Может быть, счастье, как раз в том и заключается, чтобы всегда быть неудовлетворенным? Может быть... Только тогда это очень странное счастье. Борща хотите? Я умею готовить чудесный борщ...

(Печатается с сокращениями).